смерть — это еще и конец определенного типа публичного интеллектуала, кто мог в одиночку задать рамку общенационального спора лишь силой аргумента. Эпоха, в которую философ был властителем дум, завершилась вместе с ним — или, возможно, чуть раньше, и он сам это понимал. Философ, которого мы потеряли в то самое время, когда нуждаемся в нем больше всего.

Тимур Атнашев

# Разговор как форма жизни, или право сказать «нет»

На девяносто седьмом году жизни умер Юрген Хабермас — последний большой мыслитель и архитектор современного европейского политического проекта, лично связывавший нас как с прогрессивной и оптимистической рецепцией Просвещения в довоенной Европе, так и с первым поколением Франкфуртской школы, которую он, впрочем, перевернул изнутри. Привычная многим этикетка «философ консенсуса» совершенно игнорирует работу, проделанную немецким теоретиком и публичным интеллектуалом.

Первым его полемическим вызовом мейнстриму стала атака тогда 24-летнего студента на патриарха немецкой и мировой философии, Мартина Хайдеггера. В 1953 году Хайдеггер публикует «Введение в метафизику» — лекции, прочитанные им в 1935 году, — и оставляет в новом издании фразу о «внутренней истине и величии» национал-социалистического движения без комментариев. Хабермас пишет в FAZ уважительную, но критическую рецензию «Мыслить с Хайдеггером против Хайдеггера» (нем. «Mit Heidegger gegen Heidegger denken»), называя позицию мэтра отказом от рефлексии над собственными деяниями и призывая искать новые основания для совместной жизни немцев. Все, чем он занимался потом в диапазоне от теории публичной сферы, коммуникативного разума и конституционного патриотизма до споров с историками и диалогов с теологами, росло из этого первого жеста. Из убеждения, что мыслитель отвечает как за слова, которые он произносит, так и за слова, которые он оставляет без ответа. Оставляя это же право другим.

Хабермас был держателем философии современности и ее критиком в особом смысле. Он не защищал современность как догму, а удерживал ее как открытый горизонт, основания которого (разум, право, мораль, коммуникация, демократия) нужно каждый раз заново обосновывать в контексте позднего капитализма и без возможности сослаться на авторитет священного или первородного. Эта последовательная постметафизическая ставка и своеобразный философский универсализм, усиленный огромной работоспособностью и эрудицией, но иногда граничащий с синкретизмом, не мешали мыслителю регулярно занимать четкую и сильную политическую позицию по множеству ключевых вопросов европейской и мировой истории на протяжении всей его долгой жизни.

В целом его биография достаточно хорошо известна и уже стала предметом многих исследований. Мальчик с дефектом речи, однажды услышавший по радио о Нюрнбергском процессе, на котором судили нацистское руководство, и переосмысливший в этом свете заново все, чему его учили до 1945 года; затем ассистент Адорно, не принятый Хоркхаймером из-за слишком радикального марксизма; позже автор блестящей хабилитации о структурной трансформации публичной сферы, защищенной у Вольфганга Абендрота в Марбурге в 1961 году и изданной книгой в 1962-м. Но подлинная интеллектуальная биография Хабермаса основана на долгой истории его теоретических и политических споров. Он мыслил в диалоге буквально: ни одна из его главных книг не существует вне длинного ряда высказываний сотен предшественников, а затем возражений, ответов и уточнений современников.

## Эволюция идей через постоянные публичные дебаты

В «Структурной трансформации публичной сферы» ранний Хабермас реконструирует буржуазную публичность XVIII–XIX веков и как нормативный идеал, и как утраченное обещание западных либеральных демократий обеспечить открытое, совместное и разумное обсуждение и принятие законных политических и экономических решений, касающихся каждого. Критика Хайдеггера позволила молодому философу сделать ставку на новую позитивную идентичность послевоенной Германии и демократической немецкой нации. В «Познании и интересе» (1968) он спорит с позитивизмом Поппера и Альберта: познание не нейтрально, за ним всегда стоят конститутивные интересы. В дебатах с Гадамером он защищает критическую дистанцию против растворения разума в традиции; в дебатах с Луманом — возможность нормативной рефлексии против редукции общества к функциональным системам.

Новым большим поворотом стала «Теория коммуникативного действия» (1981) — двухтомник, в котором Хабермас переводит критическую теорию с языка субъект-объектного сознания на язык интерсубъективной коммуникации и интегрирует англоязычную и континентальную традиции философии, социальных наук и наук о человеке. Инструментальному индивидуальному разуму, обернувшемуся у Адорно и Хоркхаймера техническим и политическим господством, Хабермас противопоставляет разум коммуникативный — практику взаимопонимания, вшитую в саму структуру живой речи, простого разговора. Отсюда — этика дискурса, развернутая совместно с Карлом-Отто Апелем: норма справедлива постольку, поскольку могла бы получить согласие всех затронутых в свободном обсуждении. В честь юбилея друга и соратника Апель напишет статью с подзаголовком «Мыслить с Хабермасом против Хабермаса», указывая на слабости трансцендентального обоснования дискурсивной этики и предлагая свою прагматическую альтернативу.

В «Фактичности и значимости» (1992) эта программа становится теорией права и демократии: легитимность современного правопорядка держится не на добродетели граждан и не на эффективности институтов, а на открытой циркуляции между формальными процедурами и стихийной публичной коммуникацией. Делиберативная демократия — пожалуй, самое влиятельное новое направление политической философии конца XX века, позволившее вый-

ти из индивидуалистического тупика негативной диалектики первого поколения Франкфуртской школы.

Постоянные и влиятельные оппоненты во многом закалили и отчеканили аргументы и позиции философа. В *Historikerstreit* (нем. — спор историков) 1986–1987 годов — полемике о том, уникален ли нацистский геноцид и допустимо ли объяснять его как ответ на советский террор, — Хабермас выступил против Эрнста Нольте: тезис о Холокосте как реакции на советские преступления был для него не академической переоценкой, а политическим оправданием. Фуко настаивал на анонимности вездесущей власти, не способной обосновать собственные нормативные претензии; Хабермас ответил в «Философском дискурсе модерна» (1985): генеалогия без коммуникативного разума подрывает сама себя. Деррида десятилетиями оставался философским антиподом — деконструкция против дискурсивной рациональности, — но в ответ на войну США в Ираке они выступили вместе: манифест «Наше обновление. После войны: возрождение Европы» написал Хабермас, а Деррида подписал его, снабдив французскую публикацию в «Libération» (*FAZ*, 31 мая 2003) собственным вступлением; разногласие не отменяло солидарности. С Ролзом спор был дружеским, но принципиальным, поскольку Хабермас упрекал политический либерализм в том, что тот слишком узко очерчивает границы публичного разума и уходит от вопроса о легитимации через конкретную процедуру. В 2004 году в Мюнхене Хабермас сел за один стол с кардиналом Ратцингером. Секулярный разум, доказывал философ, должен уметь «переводить» религиозные интуиции в общедоступный язык — иначе демократия теряет моральные ресурсы. Со Слотердайком схватка вышла еще более неожиданной. После лекции «Правила для человеческого зоопарка» (1999), где тот заговорил об управлении генетическим отбором, Хабермас написал «Будущее человеческой природы» (2001) — предостережение против либеральной евгеники, посягающей на способность человека понимать себя как автора собственной жизни: тот, чей геном выбран за него другими, вступает в общий разговор не на равных.

Особую линию изнутри его собственного поля образовали феминистская и республиканская критика. Нэнси Фрейзер показала, что хабермасовская публичная сфера XIX века незаметно для участников и философов воспроизводит буржуазные исключения и не видит субальтерных контрпублик, складывающихся на ее периферии и не допущенных внутрь. Шанталь Муфф возразила, что консенсус как цель делиберации вытесняет подлинный политический конфликт, опираясь на смягченную версию Шмитта; агонистическая демократия, с ее точки зрения, честнее и точнее признает неустранимость антагонизма. Айрис Марион Янг указала на другой незаметный уклон жанра и модуса живой речи, понятой как рациональный дискурс: модель дискурса привилегирует бесстрастный аргумент и тем самым закрывает дверь перед теми, кто говорит, задействуя нарратив, яркие эмоции, риторическое мастерство или перформанс. Все трое оспаривали Хабермаса, и все трое оставались в содержательном разговоре, который он начал. Философ умел менять позицию. В его книгах слышно, как он прислушивается.

## Германия, Европа, Америка, Россия

В ФРГ Хабермас стал моральной инстанцией для второго послевоенного поколения. После атаки на авторитет Хайдеггера его участие в «Споре истори-

ков» во многом задало способ, при помощи которого Германия научилась говорить о собственном прошлом. Идея «конституционного патриотизма», подхваченная у Дольфа Штернбергера, дала республике собственную ткань лояльности — не лояльность крови, а приверженность процедурам и принципам свободы. В политическом поле Хабермас стал неофициальным философом СДПГ. Ключевые идеи мыслителя помогли партии переопределить себя как влиятельную национальную силу, для которой приоритетом стала лояльность демократическим нормам и европейской интеграции.

Для Европейского союза Хабермас был интеллектуальной совестью — и до конца жизни намечал одновременно нормативный и институциональный горизонт этого проекта. Начиная с «Постнациональной констелляции» (1998), он настаивал: ЕС — не рынок и не технократия, а единственная серьезная попытка разорвать связку «суверенитет — насилие». Его жесткая критика Меркель в ходе греческого долгового кризиса и позже была критикой изнутри, из позиции неосуществленного обещания. Последнее, что он успел сказать Европе: Америка как нормативный Запад и главный союзник уже исчезла, и Европе придется выживать в одиночку, с собственной армией и собственной политической волей.

В США его читали с середины 1970-х: в социологии — Крейг Калхун, Нэнси Фрейзер, Сейла Бенхабиб; Ричард Бернстайн в философии; в политической теории — целое поколение делиберативных демократов. «Делиберативная демократия» глубоко укоренилась там в теории публичного обоснования, дизайне гражданских форумов и пересмотре самого понятия «публичного».

В России история была сложнее. Хабермас приезжал в СССР в 1989 году, в разгар перестройки, и его лекции тогда воспринимались как подтверждение, что гласность была не советским изобретением, а возвращением в общеевропейский разговор. Это было эхо, но эхо запоздалое и искаженное ожиданиями почтительно внимавших слушателей. С одной стороны, Хабермас дал позднесоветским и ранним постсоветским интеллектуалам сильный словарь, описывающий то, что они пытались делать: «публичная сфера», «коммуникативное действие», «легитимация». С другой стороны, институциональные условия для разворачивания этой программы (свободная пресса, независимые суды, смена власти, «живое» гражданское общество) не стали новой внутренней потребностью для ключевых представителей элит и общественных групп. Хабермасовский идеал оставался скорее критической точкой отсчета, чем описанием намерений и реальности, данной в ощущениях.

Россию 2010-х и 2020-х он комментировал редко, но жестко: как откат не только политический, но и коммуникативный — потерю самой возможности публичного обмена доводами для принятия политических решений. После 2022 года Хабермас поддерживал западную военную помощь Украине, но публично выступил с предостережением против складывающегося в ЕС консенсуса, при котором сам вопрос о пределах вовлечения в конфликт и о переговорах становился непроизносимым, и призвал к переговорам с Россией. Последовательная оппозиция насилию и убежденность в важности установки на разговор вместо силы далеко не обеспечили ему поддержку большинства или понимание со стороны мейнстрима. Рецепт — искать язык переговоров — звучал для многих в Европе как капитуляция, и Тимоти Снайдер ответил ему в *FAZ* именно с этой позиции. Но, кажется, для Хабермаса важнее была защита самой возможности разумно обсуждать и этот вопрос.

## Хабермас по-русски

Корпус современной русской хабермасианы во многом собран вокруг издательства «Новое литературное обозрение». Русскоязычный читатель долгое время был лишен возможности полноценно прочитать и услышать Хабермаса вне клишированной критики и повторных пересказов из учебников: перевод «Структурной трансформации публичной сферы», появившийся только в 2016 году, получил справедливые критические отзывы за терминологические неточности, существенно искажающие понятийную архитектуру оригинала. Неудачный перевод фактически исключил текст из научного оборота на русском. Впрочем, издательство, выпустившее его, частично исправило ситуацию в 2022 году, предложив значительно более тщательно сделанный перевод двухтомной «Теории коммуникативного действия».

В 2023 году НЛО выпустило «Новую структурную трансформацию публичной сферы» — книгу, в которой Хабермас на десятом десятке пересматривает собственную классическую работу в свете таких проблем, как цифровизация, фрагментирование аудиторий и обрушение газетной экосистемы. Перевод был призван сохранить не только терминологию, но и интонацию: почти усталую, но без капитуляции (незадолго до этого он завершил почти 1700 страниц «Еще одной истории философии»). Мое предисловие к публикации «Новый Хабермас?» ставит вопрос, что именно изменилось в его проекте в ходе этого длинного пути — и что устояло. Новым стал, в частности, акцент на том, что коммуникативный разум выращен из тысячелетней европейской правовой ткани, из практик, прецедентов и институтов, в которых дискурсивный разум уже стал фактической основой легитимности. Предисловие Татьяны Вайзер «Другой Хабермас?» показывает, что поздний Хабермас — не философ консенсуса, а философ права сказать «нет»: в его теории несогласие собеседника — не помеха взаимопониманию, а его условие.

В прошлом году НЛО выпустило сборник поздних интервью Хабермаса (*Хабермас Ю.* «Что-то должно было улучшаться...»: Разговоры со Штефаном Мюллер-Домом и Романом Йосом. М.: Новое литературное обозрение, 2025) о Европе, религии, технократии и войне. Это книга личного голоса: в ней видно, как философ думает в разговоре. К этому корпусу добавился коллективный том исторических исследований «Несовершенная публичная сфера» (Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России / Сост. Т. Вайзер, Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021) — попытка существенно развить и приложить обновленную хабермасовскую оптику к российскому, советскому и постсоветскому опыту, не выдавая идеал за реальность и в то же время не списывая его как нерелевантный.

## Красная нить: простой разговор как фундамент легитимности

Если охарактеризовать Хабермаса одной фразой, она прозвучит почти тривиально: легитимный общественный порядок держится на живом разговоре. Не на суверене, не на крови, не на рынке, не на алгоритме, а на том, что двое и трое, не вполне доверяющие друг другу, могут сесть и выяснить, кто прав, и договорить-

ся. Вся многотомная архитектура — теория речевых актов, этика дискурса, делиберативная демократия, постсекулярное общество, конституционный патриотизм — есть философское и практическое разворачивание этого одного тезиса.

Хабермас верил, что в самой структуре повседневной устной речи уже содержится нормативный ресурс. Когда мы что-то утверждаем, мы обязуемся это обосновать. Когда мы просим о чем-то, мы признаем другого способным сказать «нет» (*Neinsagen*); когда мы спорим — признаем процедуру, в которой лучший аргумент может переубедить. Возможность убеждать и готовность быть убежденным — не риторические позиции, а конститутивное условие самого разговора. Все институциональное здание свободы, от парламента и суда до прессы и университета, есть попытка расширить это бытовое обязательство до масштаба общества. Честно подсчитанное голосование без предшествующего обсуждения есть не демократия, а скрытая угроза силой: большинство давит на меньшинство, не дав ему возможности возразить.

Смерть Хабермаса — не только утрата мыслителя, но и молчаливый вопрос оставшимся. Эпоха, которая его сформировала и во многом благодаря ему получила свой голос, верила, что содержательный разговор о политике возможен и продуктивен. Наша новая эпоха — эпоха цифровых платформ, информационных пузырей, войн и истощенных институтов — в этом все чаще сомневается, считая ставку на разговор с (все более чужими) другими наивной, если не опасной. Хабермас не дал готовых ответов или рецептов для этих новых вызовов, он оставил обязательство продолжать говорить так, как если бы собеседник способен был нас услышать и понять, — потому что иначе исчезнет сам смысл нашей речи.

Он был вежлив, обширно эрудирован, методичен, часто невыносимо длинен в предложениях и редко остроумен. Но он был человеком, для которого слушать чужой аргумент было формой жизни. Это его прикладное наследство — и поэтому каждый из нас вполне может сказать ему «нет».

Татьяна Вайзер

# Сознание границ и безграничность сознания

Когда-то в Париже я писала магистерскую диссертацию по философии трансгрессии во французской интеллектуальной культуре (Батай, Бланшо, Нанси) и собиралась развивать тему трансгрессии у Батая в рамках учебы на русско-французской PhD-программе. Мой научный руководитель с российской стороны, автор книги «Метафора и рациональность» (1994), как-то покривившись в адрес Батая, предложил заняться Хабермасом. Так родилась тема кандидатской «Этика сообщества: Хабермас и Батай», где я сравнивала две несовместимые парадигмы коммуникативной этики, представленные в европейской куль-